

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH154556-572>

Мусаев М. А.,
к.и.н., директор
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия
mahachmus@yandex.ru

Абакаров И.М.,
к.филол.н., заведующий кафедрой французского языка
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
tiagarbi@mail.ru

ДЖОНАС ХЕНВЕЙ И ЛУИ БАЗЕН О ДАГЕСТАНСКОМ ПОХОДЕ НАДИР-ШАХА 1741–43 ГГ.

Аннотация. Походам войск Надир-шаха в Дагестан посвящено несколько специализированных исследований, опубликованных в виде монографий, множество статей, при подготовке которых привлечен обширный круг источников и разноплановой литературы. При этом нельзя сказать, что он исчерпывающий. К интересным информационным ресурсам о событиях 1741-43 гг. в Дагестане, все еще должным образом не изученных, следует отнести сведения европейцев, которые побывали в регионе в 30-е – 40-е гг. XVIII столетия. В числе тех, кто оставил письменные свидетельства, англичанин Джонас Хенвей и француз Луи Базен, которые хорошо были знакомы друг с другом. Первый из них опубликовал четырехтомный сборник «Исторический отчет о британской торговле через Каспийское море» (Лондон, 1753 г.). В четвертом томе содержится интересующая нас информация о походе Надир-шаха. События 1741-43 гг. в Дагестане излагаются в Главе XXIX, перевод частей которой с английского языка приводится в данной статье. Второй из них в своем письме, написанном в 1751 г., описывает события, очевидцем которых он был, поскольку находился в Дербенте во время прибытия в город Надир-шаха. В статье приводится перевод отрывка письма с французского языка, опубликованного в «Поучительных и любопытных письмах» (Париж, 1780 г.). В текстах Хенвея и Базена много общих сюжетов, некоторые тезисы, изложенные в различных вариациях, тем не менее сходны в смысловом отношении и подчинены одной логике. При этом текст Хенвея заметно более насыщен фактами и рассматривает дагестанскую компанию Надира шире. Сравнительный анализ нарративов показывает, что рассказы Базена служили основным источником для Хенвея. В то же время он располагал сообщениями от европейцев, находившихся на русской и персидской службе, от русских военных и чиновников, а также, возможно, персидских подданных, что позволило ему сделать более информативное сообщение.

Ключевые слова: Надир-шах; Афшариды; Освободительная война 1741–43 гг.; Джонас Хенвей; Базен; Кайтаг; Дагестан.

© Мусаев М.А., Абакаров И.М., 2019

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2019

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH15CH154556-572>

Makhach A. Musaev,
Ph.D. (History), Head of the
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mahachmus@yandex.ru

Ibragim M. Abakarov,
Ph.D. (Philology), Head of Department of French Language
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
migarbi@mail.ru

JONAS HANWAY AND LOIS BAZIN ON NADIR SHAH'S DAGESTAN CAMPAIGN OF 1741-43

Abstract. A number of studies devoted to the campaigns of Nadir Shah in Dagestan were published in the form of monographs and articles, the preparation of which involved an extensive range of sources and diverse literature. However, some interesting information resources about the events of 1741-43 in Dagestan have not been properly studied. To such we can attribute the information of Europeans who visited the region in the 30s – 40s of the 18th century. Among those, who left written evidence, are an English traveler Jonas Hanway and a Frenchman Lois Bazin, who were well acquainted with each other. The first one published a four-volume collection, entitled “An historical account of the British trade over the Caspian Sea” (London, 1753). The fourth volume contains the information on Nadir Shah. The events of 1741-43 in Dagestan are given in Chapter XXIX. The translation of parts of the chapter is provided in this paper. The second of them, in a letter written in 1751, describes events he was an eyewitness to, since he was in Derbent at the time Nadir Shah arrived there. The article provides a translation of a fragment of the letter, published in the “Lettres edifiantes et curieuses” (Paris, 1780). The texts of Hanway and Bazin have much in common; some theses, although set out in different variations, are similar in meaning and subordinate to the same logic. However, Hanway’s text is noticeably more filled with facts and describes the Nadir’s Dagestan campaign wider. A comparative analysis of narratives shows that Bazin’s stories served as the main source for Hanway. At the same time, he had messages from Europeans in Russian and Persian service, from Russian military men and officials, as well as, possibly, Persian subjects, which allowed him to provide a more informative report.

Keywords: Nadir Shah; Afsharids; Liberation war of 1741-43; Jonas Hanway; Lois Bazin; Kaitag; Dagestan.

Походы войск Надир-шаха в Дагестан и вызванный ими подъем освободительной борьбы – обширная тема. Это один из крупных и значительных разделов дагестанской истории и одновременно значительная глава историографии. Данной тематике посвящено несколько специализированных исследований, опубликованных в виде монографий, множество статей, при подготовке которых привлечен обширный круг источников и разноплановой литературы. При этом нельзя сказать, что он исчерпывающий. Многие материалы и источники остаются не введенными в научный оборот, не исследованными в достаточной мере, не интерпретированными. Например, к их числу можно отнести фирманы Надир-шаха¹, отчеты российских резидентов², записи путешественников³, документы турецких архивов. К интересным информационным ресурсам о событиях 1741–43 гг. в Дагестане, все еще должным образом не изученных, следует отнести сведения европейцев, которые побывали в регионе в 30-е – 40-е гг. XVIII в. В числе тех, кто оставил письменные свидетельства, англичанин Джонас Хенвей.

Джонас Хенвей (Jonas Hanway, 1712–1786 гг.), известный в русской исторической литературе как Ганвей, – английский купец, который в 1743 г. прибыл в Санкт-Петербург, чтобы работать на британскую Русскую компанию. Вскоре его отправили в Иран для оценки состояния торговли компании и расследования деятельности ее представителя Джона Элтона. Последний, получив торговые привилегии от Надир-шаха, работал над созданием британского торгового присутствия на Каспии. Также, Элтон, будучи опытным моряком и кораблестроителем, под именем «Джамал-бег», строил каспийский флот для шаха. Русские отрицательно смотрели на то, что он служит иранским военным интересам. В 1743 г. они обвинили его в незаконных действиях, поэтому Хенвей был направлен, чтобы оценить ситуацию из первых рук.

Хенвей нашел Элтона в Гиляне, а конкретнее – в Лангаруде. Его первоначальное впечатление об Элтоне и состоянии британской торговли в Иране было благоприятным. Это подтолкнуло Хенвея к организации пробного каравана товаров в Мешхед, главный пункт сухопутного маршрута в Индию из Каспийского региона. Его поездка внезапно закончилась в Астрабаде (современный Горган), где он был задержан, и большая часть его груза была разграблена Мухаммад-Хасан-ханом Каджаром, который затем восстал против Надира. Элтон убедил Хенвея добиться реституции у шаха. В шахском лагере возле Хамадана представители Надира пообещали Хенвею компенсацию, но указали ему искать ее в Горгане. Хенвей неохотно вернулся, но получил частичное возмещение своих потерь, правда, только после трудных переговоров.

1 Фотокопии 10 фирманов 1735–1741 гг. шаха Надира уцмью Ахмад-хану хранятся в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН.

2 Отчеты резидентов И.П. Калужкина и В.Ф. Братищева хранятся в Архиве внешней политики Российской империи и остаются не исследованными, поскольку частью исполнены тайнописью.

3 В качестве примера можно привести письменное наследие И.Я. Лерхе. Некоторые его материалы остались не опубликованными. Они хранятся в Архиве Российской академии наук.

В сентябре 1744 г. Хенвей прибыл назад в Россию, а в 1746 г. русские официально запретили английским купцам торговлю на Каспии. Британия не оспаривала это решение, учитывая призрачность успеха своих коммерческих предприятий.

Вскоре после возвращения в 1750 г. в Англию, Хенвей опубликовал четырехтомный сборник «An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with the Revolutions of Persia» («Исторический отчет о британской торговле через Каспийское море: с революциями в Персии», Лондон, 1753 г.). Первые два тома в основном содержат сообщения различного характера об истории и состоянии британской торговли с Востоком через Россию, повествования о поездках, предпринятых самим Хенвеем и иными лицами. Вторые два тома – это история Ирана с 1722 по 1749 год.

В последующие годы Хенвей добился известности как член-основатель Морского общества, одной из первых английских благотворительных ассоциаций. Он выпустил множество книг и трактатов, но больше никогда не писал о Персии [1, р. 308–310; 2; 3, р. 106–107; 4, р. 512–515].

Возвращаясь к труду Джонаса Хенвея «Исторический отчет о британской торговле через Каспийское море», отметим, что в четвертом томе содержится интересующая нас информация о походе Надир-шаха. События 1741–43 гг. в Дагестане излагаются в Главе XXIX [5, р. 223–228.], перевод частей которой с английского языка приводится ниже.

Перевод

Глава XXIX ... Надир выступает против лезгин (*Lesgees*)⁴; и получает отпор в Дагестане (*Dagistan*). Русские встревожены приближением Надир-шаха. Лезгины желают защиты России. ...

1741 год.

...

(С. 223). Среди персов есть пословица: «Если какой-нибудь персидский царь глуп, пускай идет войной против лезгин», что можно понимать как: «какой бы мощной ни была армия, ситуация в горах Дагестана такова, и люди настолько смелы, что успех похода против них должен быть очень сомнительным». Надир, которого ни один персидский царь не превзошел по тщеславию или амбициям, решил попытать удачу против них. Они совершили несколько рейдов против него, в частности во время его похода в Индию, когда его брат Ибрахим-хан был убит; Ширван (*Shirvan*) так и не был освобожден от их вторжений,

4 Вплоть до 20-х гг. XX в. дагестанцев было принято называть лезгинами. Этимология не ясна, но, вероятно, восходит к названию раннесредневекового государственного образования Лакз. В русский и европейские языки этноним «лезгины» вошел через персидскую и тюркскую традицию обозначения дагестанских народов. Правильнее было бы «Lesgees» переводить как «дагестанцы», но в литературе XVIII в. иногда встречается параллельное использование «лезгины» и «дагестанцы». Под «дагестанцами» при этом часто понимаются жители шамхальства, а под лезгинами дагестаноязычные народы Восточного Кавказа (Дагестана, Цора и Ширвана). Подробнее см. объяснения В.Г. Гаджиева [6, с. 185].

и большая часть этой (С. 224) провинции была опустошена. В конце этого года⁵ Надир пришел во главе тридцати пяти тысяч человек в Ширван и оттуда направился в лезгинские горы. Чтобы облегчить свое продвижение, он заставил срубить огромное количество деревьев по обе стороны пути, стараясь сорвать любую попытку засады, которую эти татары (*Tartars*)⁶ могли бы предпринять. Атака, которую его сын недавно совершил в Горгане (Астрабаде), сделала его более осмотрительным⁷. При этом он хорошо понимал, что лезгины столь же коварны, сколь они храбры⁸.

1742 год.

Где-то в начале этого года⁹ он вступил на территорию Дагестана. Здесь он обнаружил народ совершенно иной и непохожий на индийцев, которых он совсем недавно покорил. Вместо того, чтобы идти через открытые и плодородные земли, ему пришлось взбираться по горам – во многих местах труднодоступных и служивших естественным защитным барьером для тех долин, где он мог найти себе провизию. Они защищались крепкими и отважными людьми, чья любовь к свободе на протяжении веков сделала их непобедимыми. Если бы Надиру даже удалось проникнуть сквозь ущелья, его враги все еще могли бы укрываться в горах и сделать все его попытки подчинить их тщетными.

Однако страх пред его оружием побудил некоторых лезгин в южных регионах подчиниться. Часть из них он перевез в значительном количестве в Хорасан, дабы населить эту провинцию и предотвратить их будущие попытки вторжения в персидские пределы. Сделано это было только для того, чтобы досадить остальным лезгинам. Оставив одного из своих командиров с войском в восемь тысяч человек у прохода в горное ущелье, Надир двинулся вперед в погоне за каракайтагскими¹⁰ (*Caracaita*) лезгинами. Последние, отступив, втянули его вглубь своей страны и предупредили жителей гор. Объединив несколько значительных войск из своих сил, они спустились ночью и привели армию Надира в полное смятение. Они даже напали на шахский шатер и забрали с собой часть сокровищ Надира и несколько его женщин.

(С. 225) Между тем, персидский генерал, оставшийся с восемью тысячами человек для обеспечения безопасности путей к Ширвану, также подвергся яростному нападению. Лезгины застали эту группу войск врасплох¹¹, и, имея в своем преимуществе леса и положение на возвышенности, учинили расправу, прежде чем те смогли им противостоять.

5 Речь о 1741 г., хотя на полях отмечен 1742 г.

6 Термин «татары» используется Хенвеем (впрочем, как и другими авторами рассматриваемого периода) в отношении жителей «Тартарии» – Северо-Восточной Евразии.

7 Подразумевается покушение на Надир-шаха, которое якобы было организовано его сыном.

8 Комментарий автора: «Смотрите стр. 371–375 I тома». На указанных страницах повествуется о путешествии через равнинную часть Дагестана.

9 Хенвей ошибается в дате. Надир вошел в Дагестан летом 1741 г.

10 Комментарий автора: «Данное слово означает черные сельчане. Они считаются одними из нахрабрейших людей среди лезгин».

11 Авторский комментарий: «Французский миссионер, присутствовавший в этот момент в персидском лагере, сообщил мне некоторые подробности о великой отваге персов». Под французским миссионером, очевидно, подразумевается Луи Базен.

После множества безуспешных попыток Надир понял, что его армия находится в бедственном положении из-за нехватки провизии. Ширван был истощен до крайней степени и не имел возможности обеспечить его всем необходимым, а проход для караванов был закрыт. Поэтому он направился в Дербент (*Derbend*), жители которого вскоре почувствовали на себе роковые последствия такого соседства. Здесь Надир посчитал целесообразным использование кораблей, с помощью которых мог бы получать запасы продовольствия с южного побережья Каспийского моря. Данное обстоятельство напоминает одно событие этого года¹², касающееся поступка Джона Элтона, английского торгового агента, чье недобросовестное участие столь серьезно встревожило российский двор и поставило конец нашей каспийской торговле; но об этом уже и так много всего сказано¹³.

Могущественный завоеватель был теперь так подавлен, что остатки его жалких сил, сведенные до двадцати тысяч человек, уже бы давно дезертировали или погибли с голоду, если бы их не снабжали русские. Я бы никогда не смог и представить, что Надира увлекала даже малейшая мысль о вторжении в российские владения, но на это было достаточно оснований для опасений, учитывая, что он уже попытался покорить лезгин. Посему русскими были разосланы приказы о том, чтобы никакая провизия не передавалась в качестве товаров персидской армии. Однако астраханские торговцы, в погоне за прибылью, не смогли устоять перед искушением, как я уже об этом упоминал¹⁴. Дербент находился (С. 226) в столь бедственном положении, что большая часть его жителей, просто померла с голоду.

Продолжительное пребывание персидской армии на российских границах породило у Санкт-Петербурга опасения, что Надир собирается притязать на Кизляр, так как город строился на персидских землях¹⁵. Шах и правда сильно оскорбился поведением одного русского чиновника по отношению к своим войскам, которые подошли слишком близко к этому укрепленному. Но по данному делу императорский двор предоставил ему сатисфакцию¹⁶. При дворе в Петербурге были настолько встревожены приближением шахских войск, что был отдан приказ создать крупные военные склады в Астрахани. Сам город также находился на военном положении, и отряду численностью в двадцать тысяч человек под командованием генерала Тараканова¹⁷ было приказано выступить в сторону Кизляра.

Лезгины изъявили желание встать под защиту России после первого втор-

12 Комментарий автора: «Мы выяснили, что Элтон был в лагере Надира. См. Том I. С. 153».

13 Подробно об этом излагается в первых двух томах труда Хенвея.

14 Авторский комментарий: «Том I. С. 127».

15 Суть замечания не ясна, поскольку Кизляр располагался на левом берегу Терека, а не на правом, который формально некоторое время признавался за Персией.

16 Описание инцидента см. у Джона Кука [4, р. 117–122], чьим изложением Хенвей, очевидно, воспользовался.

17 Алексей Иванович Тараканов (1678–1760) – в 1741 г. был пожалован в генерал-поручики с назначением командующим наблюдательным корпусом, расположенным на границах с Персией по причине сосредоточения персидских войск в Дагестане.

жения Надира в их страну. Империя, безусловно, была заинтересована в поддержке независимости тех храбрых горцев, которые формируют столь надежный барьер против персов. Приход русских войск расстроил планы Надира, так что он был вынужден бросить это предприятие, превосходящее его как по силам, так и по средствам.

Как только русский генерал прибыл в окрестности Дагестана, лезгины обратились с ходатайством к нему. Из опасений, что Надир и дальше будет пытаться одолеть их, они написали этому генералу следующее:

«Достопочтенный генерал и главнокомандующий! Наша скромная просьба состоит в следующем: все жители Дагестана были проинформированы о том, что вы прибыли к границам Кизляра с императорской армией и что вы намерены защищать подданных ее императорского величества в Эндирее (*Andrewska*), Костеке (*Koslkoff*) и Аксае (*Baxan*), а также всех глав и правителей земель, граничащих (С. 227) с владениями ее императорского величества. После долгих ожиданий вашего прибытия мы отправили своих представителей от имени всего нашего народа в надежде, что ее императорское величество могло бы принять нас под свою защиту и позволить нам быть ее подданными. Мы полны решимости удерживать золотую оправу ее имперской мантии¹⁸, и, несмотря на все те беды, что могут угрожать нам, мы не станем искать никакой другой защиты и не признаем никакого другого суверена, кроме Бога и ее императорского величества.

За сим мы клянемся в верности ее императорскому величеству, смиренно просим защитить нас от наших врагов, и, с присущим ей благородством, дать ответ на нашу просьбу. Чтобы ее величество могло знать, в каком количестве состоят наши войска, высылаем вам следующий список¹⁹:

Ахмед-Хан-уцмий (<i>Achmed Khan the Ousmai</i>)	– 12000 человек
Племя ²⁰ Авар (<i>The tribe of Aparz</i>)	– 13000
Ахмед-Хан владелец ²¹ Дженгутая (<i>Achmed Khan lord of Schunketin</i>)	– 2700
В районах Унцукуля (<i>In the districts of Kanschukul</i>)	– 8000
В Анди (<i>In Aby</i>)	– 5000

18 Подразумевается, что готовы защищать имперские границы.

19 Содержание списка приходится расшифровывать, поскольку часть наименований дагестанских «районов» и «племен» сильно исковерканы, и, соответственно, трудны к локализации. Искажения понятны, поскольку текст прошел долгий путь в несколько чтений и изложений неизвестных наименований: чтение письма, написанного арабской графикой на арабском языке или тюрки; перевод послания на русский язык с последующей записью русской графикой; чтение письменного русского текста и перевод его на английский язык с изложением письмом; набор письменного текста в печать. На каждом из этих этапов могли быть допущены погрешности, которые серьезно повлияли на итоговый текст. При чтении таблицы мы попытались предусмотреть возможные ошибки на каждом из перечисленных этапов.

Полагаем, что к сведениям из таблицы стоит относиться скептически, поскольку Россия не была союзником горцев, а скорее выступала в роли потенциального противника, и, следовательно, лишено логики раскрытие своих боевых сил.

20 В сноске автором дано пояснение: «Орда (*Horda*)».

21 В сноске дано пояснение: «Бек (*Beg*)».

В Багулале и Калалале (<i>In Abugal and Kalacksky</i>)	– 7000
В Карахе (<i>Carack</i>) ²²	– 7500
В районе «Кюсти» (<i>In the districts of Kusti</i>) ²³ 500. В Келебе (<i>In Kly</i>) 2500	– 3000
В Гидатле (<i>In Gedat</i>) 4000. В Куяда (<i>In Kinjode</i>) 1000; и в Корода (<i>and in Kurada</i>) 1000	– 6000
	66200 ²⁴

Эти люди, известные миру, а особенно персам, своей храбростью и непрерывной любовью к свободе, сразились с завоевателем Индии, самым могущественным из всех монархов Востока. Надир понял, хотя и слишком поздно, что совершил крайне опрометчивый (С. 228) шаг; но отступить, не ослабив свои интересы в Персии и не потеряв репутацию в целом, было уже нельзя. Более того, он понимал, что эти самые лезгины, вдохновившись его отступлением, нападут на приграничные земли и станут обращаться с персами в этих регионах как с покоренными людьми, пока он не привлечет более многочисленные силы для защиты Ширвана. Тем не менее, из двух зол самым большим была трата времени и войск в Дагестане, когда он мог бы использовать их с пользой в других важных замыслах.

Посему мы считаем, что Надир втайне чувствует отвращение к российскому двору. Однако после возвращения в Персию он послал за резидентом²⁵ ее императорского величества, который присутствовал в армии, и заявил ему, что «был удивлен слухами о том, что он якобы намеревался вторгнуться в русские владения; с ним и правда обошлись без должного уважения, когда Россия не прислала послов поздравить его с восшествием на престол Персии; но, как он понял, в Петербурге на тот момент происходили большие перемены²⁶, и он простил эту формальность»; в то же время, он хотел, чтобы резидент послал дипломатического курьера к своему двору, дабы сообщить императрице, «что он полностью настроен поддерживать мир и взаимопонимание, существовавшее между двумя империями».

На этом описание дагестанского похода Надира завершается, но в последующих главах можно встретить несколько пассажей, которые представляют научный интерес.

Глава XXX, с. 235 – 236.

22 Комментарий автора: «Полагаю, это те самые каракайтаги (*Caracaita*), что доставили так много хлопот армии Надира». Как мы видим, предположение автора ошибочно. «Каракайтаги» указаны в самом начале списка в числе войск уцмия Ахмад-хана.

23 Можно было бы прочитать как «Кисти» и интерпретировать как «Кистети», если бы не связка с Келебом, который географически расположен в центральном Дагестане, а не у западных границ. Между тем в списке улавливается некоторая логика в перечислении дагестанских вольных обществ по их расположению относительно друг к другу.

24 В сноске автор указывает: «Это число, по-видимому, значительно превышает количество, которое, как они думали, смогли бы привести на поле боя. Несколько подразделений могли легко допустить ошибку касательно количества своих сил». Сумма выведена ошибочно. Должно быть 64200.

25 В тексте: «министром».

26 Подразумевается дворцовый переворот конца 1741 г.

Турки были в состоянии оказать поддержку лезгинам в войне против Персии, и замешательство, в котором оказался Надир в Дагестане, как раз предоставило им благоприятную возможность для этого. Тем не менее, на их радость, войска шаха встретили достойный отпор, и данное обстоятельство могло бы дать им время на сбор войск и ресурсов для их содержания.

1743 год.

В феврале этого года Надир забросил свои планы по поводу Дагестана. Покинув Дербент, он двинулся в Муганскую равнину не без опасений, что турки могли бы вторгнуться в его владения прежде, чем он успеет встать во главе своих войск.

Глава XXX, с. 238.

Отпор, встреченный Надир-шахом в Дагестане, в некоторой степени подорвал его репутацию. Богатая добыча, приобретенная его воинами в Индии, по всей видимости, отбила у них желание воевать.

Глава XXXI, с. 241–242.

Пока события происходили на юге, турки посчитали, что имеется хорошая возможность для попытки разжечь восстание на севере. Наиболее подходящим инструментом для этого служили лезгины: их неприязнь к персам могла бы пойти на руку. Турки понимали, что правление Надира уже приобрело одиозный характер, и что, возможно, любой претендент, которого они попытаются выдать за члена королевской семьи Сефевидов, поможет им устроить диверсию. Для этой цели они наняли некоего перса по имени Сам-мирза (*Saun*)²⁷, который притворился младшим сыном шаха Хусейна. Турки также распространили слух, будто Сефи-мирза, старший сын, был еще жив и находился под их покровительством. Сам-мирза²⁸ явился в Персию несколькими годами ранее под видом дервиша, рассказывая всем, что это одеяние служит целью скрыть его истинное происхождение: когда-то Ибрахим-хан, брат Надира, увез его, и, из чувства презрения, отрубил ему кончик носа, а затем отпустил. Этого человека с тех пор звали Бини бориде (*Binnie Buride*) или Отрезанный нос. Жители Шемахи приняли его с большим уважением, и вскоре он собрал армию в количестве шестнадцати тысяч человек, из которых большую часть составляли лезгины.

Отважные горцы совершали налеты на окрестности Дербента с того момента, как Надир покинул город, и держали гарнизон в постоянном напряжении. Однажды, используя темное время суток как преимущество, они заложили в разрушенные части стен порох и подожгли его. Однако им не удалось захватить это место, и уловку с порохом пришлось повторять еще несколько раз. Часто они появлялись в значительном количестве, в ночи, и обрушивали град стрел на солдат, стерегущих стены, что сразу же меняло ситуацию – персы оказывались в замешательстве и не могли вести прицельный огонь из артиллерии. Все

²⁷ Комментарий Хенвея: «Это имя также произносится как Саам (*Saam*)».

²⁸ До нас дошли сведения о трех авантюристах, выдававших себя за Сам-мирзу. В данном случае речь идет о самозванце, известном в научной литературе как Сам-мирза II.

искусство убеждения и силы были брошены на то, чтобы заставить этих татар покориться.

Гарнизон совершал неоднократные (С. 242) вылазки и вступал в стычки с ними; обе стороны проявляли жестокость, выходящую за рамки законов войны²⁹. Тем, кто сдавался без боя и давал клятву не выступать с оружием против шаха, сохраняли жизнь. Среди лезгин также ходил персидский указ, который гласил, что любой, кто станет торговать с персами, будет освобожден от всех налогов и пожалован документами, обеспечивающими ему личную безопасность. Но это не оказало практически никакого эффекта.

Постоянные стычки держали Дербент в том же бедственном положении, что и когда Надир покинул его. Мужчины старше шестнадцати лет были обязаны носить оружие, а молодых девушек старше четырнадцати выдавали замуж за новобранцев по произволу командующего³⁰; в то же время нехватка провизии вызвала множество смертей от голода.

1744 год.

В начале этого года Сам вошел в Ширван во главе войска, по большей части состоящего из лезгин. Они занимались грабежом, и Надир послал войско из двух тысяч человек с целью остановить их, но оно было разгромлено. Под страхом потерять провинцию, Надир послал своего сына Насруллу-мирзу³¹ (*Nesr Ali Myrza*) во главе двадцати пяти тысячного войска. Лезгины и многие из жителей провинции стойко сопротивлялись, но после крупных потерь они были повержены у слияния рек Куры (*Kura*) и Аракса (*Aras*), где когда-то Надир был избран шахиншахом³². На этом же самом месте был воздвигнут монумент боли и страданиям человеческим: Надир приказал сложить пирамиду из человеческих голов³³ в знак своей победы и дабы внушить страх остальным жителям и пресечь их дальнейшие попытки к восстанию³⁴.

Саму удалось сбежать с войском всего в 70 человек, но вскоре он был схвачен. Шах приказал своему сыну вытащить глаз одного из мятежников, а затем отослать к турецкому двору со следующим посланием: отнять жизнь у такого жалкого существа было бы ниже достоинства Надира (С. 243), хоть нам и известно, что великий господин поддержал затею выдать Сама за потомка семьи Сефеви (*Seffi*)³⁵.

Следствием этого восстания стала гибель почти всей провинции Ширван. ...

29 Комментарий Хенвея: «Среди персов не было редкостью отрезать ноги лезгинам или выкалывать им глаза, тем самым с жестокой насмешкой предлагая найти дорогу домой».

30 В тексте: «губернатора».

31 Первое имя Муртаза-Кули.

32 В тексте: «королем»

33 Авторский комментарий: «См. Том I. С. 388».

На стр. 388 повествуется о пирамиде на южном берегу Куры высотой 50 футов (15 м), состоящей из 282 голов персидских и татарских (т.е. дагестанских) руководителей шемахинского восстания.

34 Из описания И.Я. Лерхе следует, что пирамида из отрубленных голов была воздвигнута в 1736 г. При этом указывается, что головы принадлежали семи сотням дезертиров из числа войска Надир-шаха [7, с. 43].

35 Комментарий автора: «Стоит отметить, что Саму позволили сбежать во второй раз. Он глубоко верил в свое предназначение и считал, что его, таким образом, приберегли на другой случай».

Глава XXXII, с. 249–250.

Лезгины, не забыв о своем поражении в Ширване в начале прошлого года,³⁶ страстно желали стоптать в пыль заносчивого врага. Посему они послали двух представителей в Константинополь с предложением помочь туркам войском взамен на определенную сумму денег. В то же время они поведали, как храбро сражались за свою свободу с узурпатором Надиром, и что и дальше намерены непреклонно стоять на защите своих земель. Веками лезгины не покидали гор ради службы чужим правителям; также не часто заходили они дальше территорий Ширвана и Грузии в своих битвах. Однако нынешние обстоятельства вынудили их выдвинуть такое предложение и поступить на службу к туркам – как то делали швейцарцы во Франции. Порта приняла послов с большим уважением и дала им обещания. Но мы не находим, что они были столь удовлетворительны для того, чтобы лезгины предоставили подкрепление для Османской армии; и правда, что великий господин с трудом мог собрать деньги для оплаты своих же войск.

Мы знаем, что Джонас Хенвей не был очевидцем событий, происходивших в Дагестане во время вторжения Надир-шаха. Историческую часть своего труда – тома III и IV, по мнению исследователей его творчества, он писал на основе работ Иудаса Тадеуша Крусински (1675–1756), Луи Андре де ла Мами де Кларак (1690–1752) и Джеймса Фрейзера (1713–1754). Но в отношении событий 1741–43 гг. они не могли служить источниками информации для Хенвея. Иудас Крусински завершает свое повествование 1731 г. [8], де ла Мами де Кларак [9] и Джеймс Фрейзер [10] – 1739 г. Разве что он мог позаимствовать сведения у Жюана Оттера [11] (1707–1749), что отмечает автор известнейшей работы по истории правления Надир-шаха Лоуренс Локкарт [1, р. 311; 2]. Но сопоставление их текстов, относящихся к описанию дагестанской кампании персидского шаха, показывает отсутствие связи. Т.е., если для изложения истории Ирана с 1722 года вплоть до конца 30-х гг. он пользовался историями Персии, написанными предшественниками, и это очевидно, то относительно событий начала 40-х гг. мы этого сказать не можем.

По всей видимости, Хенвей полагал, что у него самого более надежные источники информации и более обширные сведения. Основания для этого у него были, поскольку он мог общаться с очевидцами событий, в числе которых коллега по британской Русской компании Джон Элтон и иезуитский миссионер Луи Базен, о чем Хенвей указывает. С первым Хенвей провел много времени, а со вторым виделся лично в Реште в феврале 1744 г., и снова в Лахиджане в августе. В последнем случае Базен оказал Хенвею медицинскую помощь.

Луи Базен родился в Авранше (Нормандия, Франция) в 1712 г. В январе 1731 г. он стал послушником, а четыре года спустя, завершив богословские образования и получив некоторые знания в области медицины, он отбыл в Пер-

³⁶ Из проставленных на полях дат следует, что речь идет о «поражении» начала 1743 г., а из контекста, что подразумевается начало 1744 г.

сию. С 1741 г., после того как Базен оказался в Дербенте, когда в город входили войска Надира, он с пристальным вниманием следил за деятельностью шаха. В декабре 1746 г. он был назначен главным врачом Надира и оставался с ним вплоть до его убийства. В феврале 1751 г. Базен был в персидском Бандар-Аббасе, ожидая корабль, который доставил бы его во Францию. В 1767 г. он отправился в Китай, где умер весной 1774 г.

2 февраля 1751 г. Базен, находясь в Бандар-Аббасе, написал отцу Рожеру (*Pere Roger*), генеральному управляющему иезуитской Миссией в Леванте, два письма. Оба послания посвящены личности Надир-шаха. В первом из них Базен довольно кратко описал карьеру Надира до начала дагестанской кампании в 1741 г. С этого момента его повествование становится более подробным, и, включает в себя события до 1744 г. Во втором послании повествование продолжено, и, учитывая особое положение Базена при дворе в течение последних шести месяцев жизни Надира, оно представляет большой интерес и ценность для понимания истории правления шаха и Персии этого периода [1, р. 310–311].

Оба письма Луи Базена были опубликованы в одном томе «*Lettres édifiantes et curieuses*» («Поучительные и любопытные письма») в 1780 г. Интересующая нас информация о событиях 1741–43 гг. в Дагестане содержится в первом письме [12, р. 288–289], перевод части которого с французского языка приводится ниже.

Перевод

...

(с. 288) В 1741 году я был в Дербенте, древнем городе, расположенном на берегу Каспийского моря, когда туда прибыл Надир-шах, уже овеянный славой и нагруженный всеми богатствами из Индии; именно там я и увидел его впервые. Тогда его войско, значительно увеличившее свою численность в многочисленных военных экспедициях, насчитывало 150 000 человек. (С. 289) В ее состав входили индийцы, татары, узбеки и афганцы; персов было мало: он знал, что народы, преданные своему властителю всем своим естеством, следуют за узурпатором нехотя и лишь до случая; у них уже был пример самого Надир-шаха.

В то время он решил напасть на лезгин, разобщенно живших в горах, что мешало их подчинению. Сделав из Дербента свой плацдарм и создав великолепное многонациональное и объединенное под его знаменами войско, он сеял повсюду ужас. Перепуганные горцы решили вначале покориться. Однако, видя, что после их подчинения завоеватели начали отправлять всех в Хорасан, причем грабя имущество и безжалостно уничтожая и подвергая пыткам при первом подозрении их семьи, что сами они теряли последние силы на тяжелых работах, к которым их привлекали завоеватели, отчаяние охватило горцев. Народ, который сам привык грабить и разбойничать, народ-солдат, умеющий ловко обращаться с огнестрельным оружием, решил начать войну. Они подняли на самые неприступные и высокие скалы своих жен, (стр. 290) детей, имущество и оттуда предпринимали набег, устраивали засады, нападали на конвои. А однажды ночью даже осмелились напасть на расположение самого

властителя. Не ожидая подобного отчаянного шага со стороны горцев, он был вынужден беспорядочно отступить со своим войском, а горцы неплохо поживились трофеями.

После этого поражения Надир-шах вернулся в Дербент для осмотра своего войска. Взбешенный отпором, который ему оказали горцы, он пошел на жесточайшие меры, казнив многих своих офицеров и солдат.

Затем он попытался атаковать разбойников в наиболее уязвимых местах, но это не принесло ему особого успеха, поскольку и здесь он потерял многих своих людей и лошадей, не нанеся противнику ни малейшего вреда. Разбойники были очень мобильны и утомляли его армию постоянными вылазками. Чтобы их остановить, он приказал построить на их пути укрепление, которое он назвал Караскон (*Carascon*), то есть крах Персии. Однако горцы не сдавались, и, вопреки гордыни, он вынужден был предложить им заключить перемирие, на которое те согласились.

(С. 291) Его брат Ибрахим-хан был убит в местности Шакила³⁷ (*Chakila*). Желая отомстить за смерть брата, он тотчас двинулся в горы, которые оказались неприступными. Тогда он разграбил равнину и сжег все села. Там он оставался со своим войском в течение целого года, неся опустошение, последствия от которого чувствовались больше столетия. Устав от походов и бесполезных сражений, он остановился лагерем в Барде.

Во время этой кампании он совершил настолько жестокое действие, которого одного хватило бы, чтобы назвать его разрушителем потомства. Он подвергся чрезвычайному риску во время атаки в одном из ущелий. Пули со всех сторон свистели вокруг него. Один из офицеров подбежал к нему, чтобы заслонить его от пуль со стороны, где риск был наиболее значительным. Вернувшись в шатер, Надир-шах³⁸ велел позвать офицера. Офицер прибыл в надежде на награду за свой поступок.

– Почему, говорит ему повелитель, вы стали передо мной?

– Чтобы спасти Вашу жизнь, отдав свою, – ответил офицер.

– Ах, так! Ты считаешь меня трусом? – говорит ему раздраженный монарх, задушите его. (С. 292) Это было тотчас исполнено, а благородство наказано как трусость и предательство.

Перейдя Куру, большую реку, мы пересекли пустыню, которая привела нас в Гянджу. Мы обошли этот город слева и прибыли к подножию гор, которые армяне называют Сегнах³⁹. Шах провел свое громадное войско через все ущелья этих высоких и страшных гор, чтобы последовать дальше к озеру Гёкче⁴⁰, что означает «голубая река», и где было много сочных пастбищ. Он намеревался

37 Видимо подразумевается Шеки (Шаки) – крупный населенный пункт рядом с Цором (Чар-Тала). См. [13, с. 30, 59].

38 В тексте указано второе имя шаха – Тахмас (*Thamas*).

39 В тексте «*Sekhnac*». Ныне чаще хребет именуется Ахумским, нежели Сигнахским.

40 В тексте гидроним передан в форме «*Goguetschay*». Данное озеро на турецком называется Гёкче, а на азербайджанском Гёйче, что переводится как «голубая / небесная река / вода». На армянском озеро именуется Севан.

провести там несколько месяцев, чтобы привести в порядок свою кавалерию. Дорога была тяжелой, но зато более короткой. Для гарантии своей безопасности Надир-шах прихватил нескольких горских предводителей, которые служили ему заложниками. У нас ушло десять дней, чтобы преодолеть эти ущелья. Несмотря на то, что дело было в июне месяце, нас преследовали обильные снегопады и холодные дожди. На некоторых глубоких реках мы возводили небольшие, наспех построенные, мосты, по которым вся армия следовала в таком беспорядке, что большое количество солдат в суматохе сталкивалось в реку напиравшей сзади толпой других солдат.

(С. 293) Наконец, мы добрались до Гёкче в начале июля 1743 года, где пробыли четыре месяца. И здесь, будучи во главе сотысячного войска, Надир-шах женит своего внука Шахрух-мирзу (*Charok Mirka*) и своих сыновей Назаруллу-мирзу (*Nazarolla Mirza*) и Кули-мирзу (*Kouli Mirza*). Подготовка к свадьбе проходила в Исфахане. По приказу Надир-шаха все танцоры и музыканты, находившиеся в столице, прибыли в его лагерь. Он приказал принести побольше сала и масла для освещения, но их не оказалось, так как были уже проданы армейским маркитантам, а он сам от этого хорошо поживился. Это лишь мельчайшая часть его многочисленных злодеяний и поборов в армии. Он говорил, что в своем царстве хочет довести количество горшков до одного на пять семей, то есть сделать их настолько бедными, что они будут вынуждены по очереди одалживать горшок друг у друга. В дальнейшем он сдержит это слово. ...

Мы имеем перед собой два нарратива – источника информации – о событиях 1741–43 гг. в Дагестане. В первом случае автор не являлся свидетелем событий. Джонас Хенвей описывает то, что произошло за 1–3 года до того, как он прибыл в Дагестан и Персию. Если для изложения истории Ирана с 1722 г. вплоть до конца 30-х гг. он пользовался трудами историков, то описание последующих событий, по крайней мере, в части дагестанского похода Надира, это его собственные исследования. Информацию он получил у европейцев, находившихся в Иране в это время, о чем Хенвей указывает, а также, видимо, у поданных шаха. Кроме того, он мог получить сведения от русских и европейцев, находившихся на русской службе. Об этом свидетельствует подробное изложение мер по противодействию возможному вторжению Надира в пределы Российской империи, а также письмо дагестанцев кизлярскому коменданту, которое он приводит в своем труде. Очевидно, что у Хенвея была копия, поскольку он цитирует его целиком.

Очень интересна таблица численности войск, которую «лезгины» могли выставить. В ней отсутствуют сведения по многим союзам общин центрального и южного Дагестана, а также по владениям Табасарана, шамхальству и ханству Гази-Гумук. Возможно то, что владетели Табасарана, хан Гази-Гумука и шамхал Тарковский не захотели обращаться к русским или не могли этого сделать, поскольку шамхал был, хоть и вынужденным, но союзником Надира, а хан находился в стане шаха де-факто как аманат, т.е. заложник, де-юре – как шахский

наместник Гази-Кумука. Соответственно напрашивается вывод, что список отражает число воинов политических единиц, которые продолжали сопротивление, не вступив в мирный договор с шахом, и, вероятно, заключивших между собой союз в борьбе против Надира.

Обращает на себя внимание высокая оценка автора боевых качеств «лезгин», т.е. дагестанцев, их свободолюбие. Поскольку сам Хенвей не мог этого оценить, то он пользовался сложившимися впечатлениями персов, русских, европейцев, находившихся в регионе, со всеми из которых продолжительное время общался. И, видимо, это было общим мнением. Эпитеты синонимичные «храбрости» встречаются в его труде очень редко и стали практически исключительными в отношении дагестанцев. Базен, также отмечая боевые качества дагестанцев, называет их «разбойниками», привыкшими «грабить и убивать». Позиция понятна, учитывая, что француз, будучи в стане шахских войск, сам подвергался опасности со стороны дагестанцев во время боевых столкновений.

В текстах Хенвея и Базена много общих сюжетов: изъявление покорности жителями части Дагестана и переселение их в Хорасан; нападение горцев на стан Надира; упоминание мести шаха за своего брата; о выборе Надиром Дербента как места собственной дислокации. Некоторые тезисы, хоть изложены в различных вариациях, но сходны в смысловом отношении и подчинены одной логике. Это относится к трудностям боевых действий в горах, тактике и стратегии ведения войны, как персов, так и горцев. При этом текст Хенвея заметно более насыщен фактами и рассматривает дагестанскую компанию Надира шире. Он упоминает про нехватку провизии в армии Надира и попытки ее доставки морем, анализирует взаимоотношения русских и персов.

Есть один вопрос, где оценки авторов существенно расходятся. Хенвей, пишет, что к пределам Дагестана подошло войско Надир-шаха в количестве 35 тыс. человек. Это самое низкое число, зафиксированное в источниках и литературе. В большинстве из них указывается численность армии в более чем сто тысяч. Луи Базен оперирует цифрой в 150 тыс., причем указана она в контексте того, что он наблюдал войско лично.

Письма Базена изобилуют описаниями жестокостей Надир-шаха. Трудно понять, действительно ли присутствовал он во время этих действий. Можно было бы предположить, что история Базена во многом вдохновлена представлениями западной мысли о свойственной восточным народам жестокости и привычности для них насилия, если бы в случае с Надир-шахом не было множества свидетельств, подтверждающих описания иезуитского монаха.

Несмотря на то, что Луи Базен был очевидцем событий, есть некоторые обстоятельства, которые могут позволить критиковать его сведения. Его письма были опубликованы в «Lettres édifiantes et curieuses», т.е. «Поучительных и любопытных письмах» – многотомном собрании сообщений иезуитских миссий. В них встречаются сообщения, которые вызывают сомнение в правдивости. Кроме того направленность их не научная, а в сообщениях ценился аспект хри-

стианской проповеди, назидательности текста, наряду с красотой слога. Между тем текст о дагестанском походе выдерживает критику, проверяется другими источниками и вписывается в логику исторических событий.

Таким образом, мы можем констатировать, что устные сведения Базена легли в основу текста Хенвея посвященного походу Надир-шаха в Дагестан в 1741–43 гг. При этом англичанин не довольствовался исключительно информацией полученной от иезуита. Хенвей привлек сообщения Джона Элтона, капитана Вудруфа, Джона Кука⁴¹, сведения лиц, находившихся на службе Петербурга и официальные русские документы, а также, возможно, рассказы персидских подданных. К числу последних, например, можно отнести упомянутую персидскую пословицу о крайней нежелательности войн с дагестанцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Lockhart, Lawrence. *Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources*. London: Luzac & Co., 1938. P. 308-310;

2. Tucker, Ernest. Hanway, Jonas // *Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/hanway> (дата обращения 3.10.2019);

3. Romaniello, Matthew. *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia*. Cambridge University Press, 2019. P. 106-107;

4. Cook, John. *Voyage and Travels through The Russian Empire, Tartary and Part of the Kingdom of Persia*. Vol. II. Edinburgh, 1770. P. 512-515.

5. Hanway, Jonas. *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with the Revolutions of Persia*. Vol. IV. London, 1753. P. 223-228.

6. Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. Москва: Наука, 1979. 270 с.

7. Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 до 1747 года / пер. с нем. А. Клевецкого и М. Судакова // Новые ежемесячные сочинения. 1790. Ч. LIII. С. 20-47.

8. *Krusinski, Judas*. The history of the late revolutions of Persia: taken from the memoirs of Father Krusinski, Procurator of the Jesuits

1. Lockhart, Lawrence. *Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources*. London: Luzac & Co., 1938: 308-310.

2. Tucker, Ernest. Hanway, Jonas *Encyclopaedia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/hanway> (access date: 3.10.2019).

3. Romaniello, Matthew. *Enterprising Empires: Russia and Britain in Eighteenth-Century Eurasia*. Cambridge University Press, 2019: 106-107.

4. Cook, John. *Voyage and Travels through The Russian Empire, Tartary and Part of the Kingdom of Persia*. Vol. II. Edinburgh, 1770. P. 512-515.

5. Hanway, Jonas. *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with the Revolutions of Persia*. Vol. IV. London, 1753. P. 223-228.

6. Gadzhiev VG. *The work of J. Herber "Description of countries and peoples between Astrakhan and the Kura River" as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [Sochineniye I. Gerbera «Opisaniye stran i narodov mezhdu Astrakhan'yu i rekoju Kuroy nakhodyashchikhsya» kak istoricheskiy istochnik po istorii narodov Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ.)

7. The news of the second journey of the doctor and college adviser Lerch to Persia from 1745 to 1747 [Izvestiye o vtrom puteshestvii doktora i kollezhskogo sovetnika Lerkha v Persiyu ot

41 Хенвей многократно ссылается в своем четырехтомнике на указанных лиц.

at Ispahan. London: J. Pemberton, 1733. Vol. I. 24+274 p. Vol. II. 221+34 p.

9. de La Mamie de Clairac, L.-A. Histoire de Perse, depuis le commencement de ce Siècle. Paris: A. Jombert, 1750. Tome 1. 74+348 p.; Tome 2. 356 p.; Tome 3. 10+392 p.

10. Fraser, James. The History of Nadir Shah / The Second Edition. London: A. Millar, 1742. 6+240+16 p.

11. Otter, Jean. Voyage en Turquie et en Perse. Paris: Guerin, 1748. Vol. 1. 415 p. Vol. 2. 386 p.

12. Bazin, (Louis; Pere, Frere). Surles dernieres années du regne de Thamas Kouli-Kan , & sur sa mort tragique contenus dans une lettre du Frere Bazin, de la Compagnie de Jesus , au Pere Roger , Procureur général des Missions du Levant // Lettres edifiantes et curieuses, ecrites des missions etrangeres, nouvelle edition. Memoires du Levant. Tome quatrieme. A Paris; Chez J. G. Merigot le jeune, Libraire, Quai des Augustins, au coin de la rue Pavée. M. DCC. LXXX (1780). P. 288-289.

13. Хроника войн Джара в XVIII столетии / пер. П. Жузе, предисловие В. Хулуфлу, комментарии Е. Пахомова. Баку: Издательство АзГНИИ, 1931. 71 с

1745 do 1747 goda] / trans. from German by A. Klevetsky and M. Sudakov *New monthly essays*. 1790. Part LIII: 20-47. (In Russ.)

8. Krusinski, Judas. *The history of the late revolutions of Persia: taken from the memoirs of Father Krusinski, Procurator of the Jesuits at Ispahan*. London: J. Pemberton, 1733. Vol. I. 24+274 p. Vol. II. 221+34 p.

9. de La Mamie de Clairac, L.-A. *Histoire de Perse, depuis le commencement de ce Siècle*. Paris: A. Jombert, 1750. Tome 1. 74+348 p.; Tome 2. 356 p.; Tome 3. 10+392 p.

10. Fraser, James. *The History of Nadir Shah / The Second Edition*. London: A. Millar, 1742. 6+240+16 p.

11. Otter, Jean. *Voyage en Turquie et en Perse*. Paris: Guerin, 1748. Vol. 1. 415 p. Vol. 2. 386 p.

12. Bazin, (Louis; Pere, Frere). Surles dernieres années du regne de Thamas Kouli-Kan, & sur sa mort tragique contenus dans une lettre du Frere Bazin, de la Compagnie de Jesus, au Pere Roger, Procureur général des Missions du Levant *Lettres edifiantes et curieuses, ecrites des missions etrangeres, nouvelle edition. Memoires du Levant. Tome quatrieme. A Paris; Chez J. G. Merigot le jeune, Libraire, Quai des Augustins, au coin de la rue Pavée. M. DCC. LXXX (1780): 288-289.*

13. *The chronicle of Djar wars in the 18th century [Hronika voin Dzhara v XVIII stoletii]* / trans. by P. Jouse, intr. By V. Houluflu, commentaries by E. Pakhomov. Baku: AzGNII, 1931.

Статья поступила в редакцию 08.11.2019 г.